

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/8

К уточнению классификации украинских воронежских говоров

С.В. Дьяченко¹, Г.П. Пилипенко², М.Н. Саенко³

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Россия, 119019, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: svet-lan-a@list.ru

^{2,3} Институт славяноведения РАН

Россия, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А

² E-mail: glebpilipenko@mail.ru

³ E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируются украинские говоры на территории Воронежской области и осуществляется попытка уточнить их классификацию. Предыдущие классификации определяют границу между переселенческими полесскими и слобожанскими говорами довольно условно, в работах учёных эти границы могут не совпадать (например, у Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской). В 2024 г. авторами настоящей статьи было проведено полевое исследование говоров в сёлах Колодежное, Сагуны, Большая Хвощеватка, Юдино и Костомарово Подгоренского района Воронежской области, основанных в XVIII в. Мы концентрируемся на описании говора села Юдино. Для установления зоны исходной миграции был выбран ряд следующих черт: рефлексация ударного *о в результате заместительного удлинения после падения «редуцированных», рефлексация *ё, формы gen. sg. f. указательных местоимений, окончание nom. sg. m. прилагательных, окончание nom. pl. прилагательных, варьирование форм типа *знає ~ зна* в 3. sg. praes. у глаголов III класса, а также распределение окончаний *-е (хóде)* и *-ить (сидіть)* в зависимости от ударения в 3. sg. praes. у глаголов IV класса. Проведено сопоставление с лингвогеографическими данными Атласа украинского языка и определены населённые пункты с наибольшим совпадением по указанным чертам. Установлено, что прародину юдинского говора следует локализовать в районе Прилук, где распространены переходные говоры от восточнополесских к среднеднепровским. В воронежских говорах предлагается выделять три зоны: северные

(полесские), южные (слобожанские) и центральные (генетически из переходной области в окрестностях Прилук).

Ключевые слова: Воронежская область, лингвистическая классификация, диалектология, украинские говоры, полевое исследование, полесский диалект, слобожанский диалект

Towards a revised classification of the Ukrainian dialects of Voronezh

Svetlana V. Dyachenko¹, Gleb P. Pilipenko²,
Mikhail N. Saenko³

¹ Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences 18/2
Volkhonka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: svet-lan-a@list.ru

^{2,3} Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia,

² E-mail: glebpilipenko@mail.ru

³ E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

Abstract

The article analyzes Ukrainian dialects in Voronezh Region to refine their classification. Previous classifications have delineated the boundary between resettled Polesian and Slobozhan dialects rather loosely, with discrepancies among different scholars (e.g., F.T. Zhylyko and H.T. Solonska). In 2024, the authors conducted field research in several villages in the Podgorensky District—namely Kolodezhnoe, Saguny, Bolshaya Khvoshchevatka, Yudino, and Kostomarov — all founded in the 18th century. The study focuses particularly on the dialect of Yudino. To identify the area of original migration, a set of diagnostic features were selected, including: the reflex of stressed *o resulting from compensatory lengthening after the loss of “reduced” vowels (jers); the reflex of *ě; the genitive singular feminine forms of demonstrative pronouns; the nominative singular masculine ending of adjectives; the nominative plural ending of adjectives; variation in the 3rd person singular present tense of Class 3 verbs (*znaje* ~ *zna*); and the distribution of the endings *-e* (*khode*) and *-yť* / *-it* (*sydyť*) in the 3rd person singular present tense of Class 4 verbs, depending on stress. A comparison with linguistic-geographic data of *The Atlas of the Ukrainian Language* was performed, and locations with the the highest con-

centration of matching features were identified. The study concludes that the origin of the Yudino dialect can be localized to the Priluki region, where transitional dialects between the East Polesian and Middle Dnieper groups are prevalent. Consequently, a new classification is proposed, dividing the Voronezh Ukrainian dialects into three zones: a northern (Polesian) zone, a southern (Slobozhan) zone, and a central zone – genetically linked to the transitional area around Priluki.

Keywords: Voronezh Oblast, linguistic classification, dialectology, Ukrainian dialects, field research, Polesian dialect, Slobozhan dialect

Украинские¹ говоры Воронежской области являются переселенческими и, как следствие, генетически разнородными. Однако эта разнородность не сразу была обнаружена и осмыслена учёными, изучавшими эти говоры. Так, на первых диалектологических картах русского языка 1871 и 1914 гг. (украинские, или малорусские говоры считались тогда диалектами русского языка), а также на первой карте говоров украинского языка, составленной Ф.Т. Жилко в 1955 г. и опубликованной в качестве приложения к книге «Нариси з діалектології української мови» [9], территория их распространения показана единой штриховкой или заливкой (рис. 1–3).

Ситуация изменилась в 1960-е гг., когда 28 воронежских говоров были обследованы для «Атласа української мови» (далее АУМ): п. 40, 43, 48, 49, 51–54, 56–61, 63, 66, 67, 133, 135–139, 142, 143, 151–153 первой части третьего тома, см. карту 5 [4: 5]. Экспедиции, посвящённые сбору материала, проводились в 1960–1968 гг.

Два воронежских села (Новая Осиновка и Шапошиновка) были обследованы для «Общеславянского лингвистического атласа» (далее ОЛА) в 1969–1970 и 1975 гг.

Уже во 2-м издании книги «Нариси з діалектології української мови» 1966 г. [11] Ф.Т. Жилко приводит карту говоров украинского языка с существенными изменениями: воронежские украинские говоры показаны здесь неоднородными и представлены двумя разновидностями (см. рис. 4, зоны, обозначенные штриховкой).

В комментарии к карте 1966 г. автор указывает, что она составлена на основе прежних диалектологических карт украинского языка, а также новых материалов, опубликованных в диалектологических работах разных учёных последних лет. Несомненно, использовались также материалы АУМ. К сожалению, карта не позволяет точно определить, говоры каких именно населённых пунктов отнесены к юго-восточному типу, а какие – к северному, соответствующих пояснений к ней в книге нет. Мы полагаем, что граница между говорами двух типов могла быть проведена довольно условно.

Рис. 1. Фрагмент «Карты южнорусских наречий и говоров» 1871 г., авторы П.П. Чубинский, К.П. Михальчук [23]. Вертикальная красная штриховка означает территорию распространения Каневско-Полтавского разноречия Украинского наречия (прерывистость штриховки на части территории в легенде к карте не разъясняется; возможно, она означает, что говоры переселенческие)

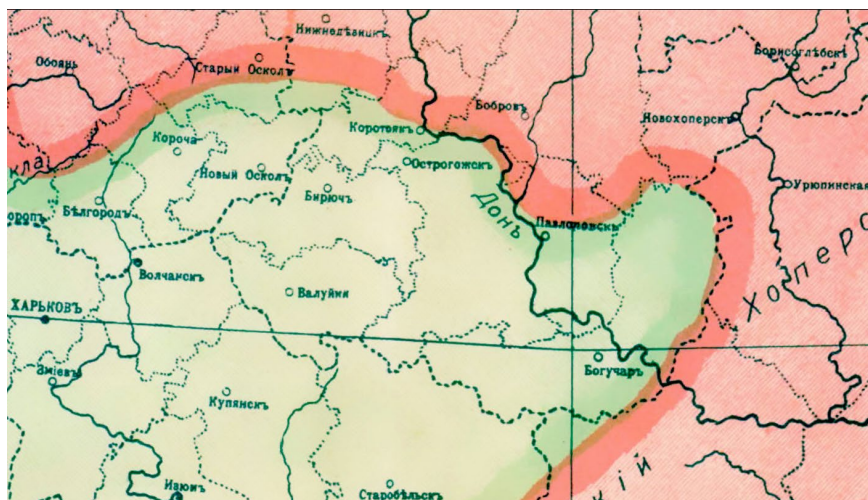

Рис. 2. Фрагмент «Диалектологической карты русского языка в Европе» 1914 г., авторы Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков [6]. Зеленой заливкой показана территория распространения южномалорусской группы малорусских говоров

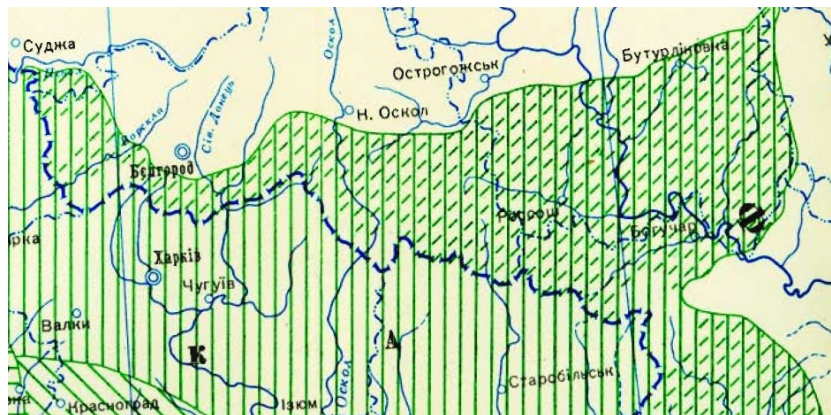

Рис. 3. Фрагмент «Карты говоров української мови» 1955 г., автор Ф.Т. Жилко. Вертикальной зеленой штриховкой обозначены слобожанские говоры украинского языка, косая прерывистая штриховка означает, что говоры находятся в окружении русского языка

Незадолго до выхода в свет 2-го издания книги Ф.Т. Жилко в 1960–1964 гг. достаточно подробное исследование воронежских украинских говоров было осуществлено Г.Т. Солонской, также участвовавшей в сборе данных для АУМ и ОЛА. Результаты исследования были оформлены в виде кандидатской диссертации, защищённой в 1967 г.

Г.Т. Солонская тоже разделяла украинские воронежские идиомы на две группы – восходящие к северно-украинским (полесским) и юго-восточнукраинским (слобожанским) говорам [19: 378]² (рис. 4, зоны, обозначенные цветной заливкой).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что граница между территориями распространения воронежских говоров разных типов на картах Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской неодинакова.

Со времени появления карт Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской, к сожалению, к теме классификации воронежских украинских говоров диалектологи почти не возвращались; можно назвать, пожалуй, только довольно краткую работу А.А. Сагаровского [17].

Мы полагаем, что в основном выводы Г.Т. Солонской и Ф.Т. Жилко справедливы, однако в некоторых моментах их следует дополнить и/или уточнить.

В целом степень обследованности воронежских украинских говоров с точки зрения генеалогической классификации следует оценить как недостаточную.

Рис. 4³. Распространение групп украинских говоров в центральной и южной частях

Воронежской области по классификациям Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской. Карта составлена на основе фрагмента «Карті говірів української мови» 1966 г., автор Ф.Т. Жилко, и карты-схемы «Територіальне поширення північних і південно-східних говірок української мови на Воронежчині», автор Г.Т. Солонская

Рис. 5. Населенные пункты, обследованные для словаря М.Т.Авдеевой (обозначены точками с цифрами), АУМ (точки в кружочке) и ОЛА (точки в квадрате)

Список Г.Т.Солонской содержит названия 318 населённых пунктов, отнесённых ею к украиноязычным, однако записи были сделаны только в 45 сёлах [19: 371–379]. При этом данные из диссертации Г.Т.Солонской практически не были введены в научный оборот.

Большее количество населённых пунктов было обследовано для «Словаря украинских говоров Воронежской области» М.Т.Авдеевой [1], однако из примеров, приводимых в словаре, можно извлечь лишь минимальные сведения о фонетике говоров.

Все эти обстоятельства обуславливают актуальность нашего исследования.

В 2024 г. нами были обследованы говоры воронежских населённых пунктов Колодежное, Сагуны, Большая Хвощеватка, Юдино и Костомарово Подгоренского района⁴. Из этих сёл только Сагуны (см. рис. 5, п. 86) ранее попадали в поле зрения исследователей, как Г.Т. Солонской, так и М.Т. Авдеевой. Материалы, полученные нами в экспедиции, позволяют утверждать, что именно между Колодежным и Сагунами

с одной стороны и Большой Хвощеваткой, Юдином и Костомаровом – с другой, протекает граница двух групп говоров⁵. В данной статье мы предпринимаем попытку локализовать прародину говора села Юдино, т.е. найти наиболее близкие юдинскому украинские говоры и тем самым определить, из какой части Украины заселялась эта часть Воронежской области.

Насколько мы можем судить, идиомы сёл Юдино, Костомарово и Большая Хвощеватка идентичны и образуют единый говор. Костомарово было основано в 1734 г., Юдино – в 1740-е гг. (переселенцами из Костомарова, впоследствии также заселялось жителями расположенных несколько севернее сёл Урыв, Марки и Щучье), Большая Хвощеватка – в первой половине XVIII в. [16: 42, 137, 356]. Поскольку первоначальное описание данного говора было сделано нами на основе данных, полученных от информантов из Юдина, в тексте статьи мы исключительно ради удобства будем называть этот говор юдинским.

Характерной чертой, отличающей северные воронежские говоры, является рефлексация ударного *о в результате заменительного удлинения после падения «редуцированных». Если в слобожанских говорах это [i], как и в украинском литературном языке, то в северных Г.Т. Солонской были записаны дифтонги: [ʏʏ] (Колыбелка), [ʏi] (Петропавловка), [ʏi] / [ʏэ] (Хохол-Тростянка, Высокое, Степной, Шевченко⁶). В ряде говоров (Криница, Пухово, Коломыцево, Щучье, Трёхстенки, Берёзово) в 1960-е гг. активно протекал процесс утраты дифтонгов, когда лучше всего они сохранялись после губных согласных, хуже – после заднеязычных. Утрата могла выражаться в виде полного исчезновения первой неслоговой части: *стил* ~ *стел*⁷ – «стол». В других говорах (Урыв-Покровка, Высокое, Степной, Шевченко), наоборот, происходила её консонантизация: *ствил* ~ *ствел* [19: 74–87].

В современном говоре Юдина и окрестных сел дифтонгов нами отмечено не было, нормальным рефлексом на этом месте является [и]: *опь > *вин* – «он», *родь > *пид* – «под», *можь > *мий* – «мой», *ноть > *ничь* – «ночь», *овьсь > *виўці* – «овцы», *ногъте (nom. pl.) > *ніхъті* – «ногти», *огвьпъь > *рівний* – «ровный», *synovъ > *синіў* – «сыновей». Ср. укр. лит. *він, пид, мій, вівці, нігті, рівний, синів*⁸.

Не под ударением в юдинском говоре *о в тех же условиях сохраняет своё качество: *въ копсьі > у *конці* – «в конце», *кольсе > *колце* – «кольцо», *овьсѣ > *воўцю/овцю* – «овцу», *говьна (gen.sg.) > *говна́*. Такое сочетание [и] в ударных и [о] в безударных слогах на месте *о отмечалось как характерная черта прилукских украинских диалектов и соседних с ними говоров Левобережья Днепра (южной Черниговщины, северной Полтавщины и западной части Киевской

области), отличающая эти говоры от юго-восточных и северных дифтонгических [22: 7, 8]. Ср. укр. лит. *в кінці, кільце, вівцю, гівна*.

При этом присущее прилуцким говорам отклонение от закономерности перехода *о в [и] после [г, к, х], где он переходит в [і], характерно и для юдинского говора⁹. А.И. Филиппова на основании анализа данных исторических документов Прилуцщины считала монофтонг [і] в этой позиции сравнительно поздним явлением, возникшим в XVIII в. [22: 8].

Дифтонгическая рефлексация *ō свойственна северно-украинским (полесским) говорам, в которых можно найти три её варианта: 1) [yo] – наиболее архаичный вариант, представленный в северно-полесских говорах; 2) [ui] и [ye] – вторичные дифтонги, развившиеся из [yo]; 3) [и], [у], [о], [ү] – результаты монофтонгизации дифтонгов [2: 57–62]. Из всего этого разнообразия нас интересует идентичный юдинскому рефлекс [и], занимающий довольно широкую территорию в южной части полесских говоров, а также предковый по отношению к нему, но менее распространённый в настоящее время [ui], поскольку теоретически можно представить, что монофтонгизация [ui] > [и] могла произойти уже после переселения в Воронежскую область.

Ф.Т. Жилко отмечал, что в некоторых сёлах между Прилуками и Киевом (Рудьковка, Щасновка) в 1860-е гг. на месте *ō отмечался дифтонг [ui], однако уже в 1950-е гг. он был характерен только для речи старшего поколения, в то время как младшее произносило только [и] [10: 48–49]. На картах АУМ [ui] уже отмечен только в более северных говорах, главным образом на севере Черниговской области.

Мы полагаем, что [и] в юдинском говоре возник ещё на территории прародины, поскольку в Юдине не наблюдается других черт, характерных для говоров с недавней монофтонгизацией: аканья и [е] как рефлекса *ě в безударном положении¹⁰.

Стандартным рефлексом *ě в юдинском говоре, как и в большинстве украинских, является [і] в любом положении, в том числе безударном: *dъvě stě > dъvіs̄ti – «двести», *na světě > na svіti – «на свете», *vъ lěšě > ulіci – «в лесу», *dědъ > did – «дед», *dělo > dіlo – «дело», *děti > dіti – «дети», *děvъčeta > dіўčata – «девчата», *mъně > minі – «мне», *němъсь > nіmeць – «немец», *sědajetъ > cidá – «сидится», *sějati > сіятъ – «сеять», *сёvька > ціўка – «цевка (для пряжи)», *сёльъ > цілуй – «целый», *орёхъ > orіх – «орех», *рёська > річька – «река», *гёдько > рітко – «редко», *lěska > ліска – «орешник», *jěsti > їсти – «есть, принимать пищу», *jěxali > іxalu – «ехали», *nevěstъka > нивістка – «невестка», *vědro > відрo – «ведро», *бёльъ > білуй – «белый». Отражение *ě в виде [і] характерно для подавляющего большинства украинских говоров и не дает конкретного указания на

прародину говора, однако позволяет исключить в качестве таковой северно-полесские говоры, где *ѣ имеет совсем другие рефлексy: [e] или [ie] [2: 3, 9, 11]. Кроме того, это отделяет юдинские говоры и от североукраинских воронежских говоров, описанных Г.Т. Солонской, где также представлен дифтонг [ie] или [e] как результат его монофтонгизации [19: 87–94].

Так называемый новый ять, или результат заменительного удлинения *е после падения «редуцированных» в юдинском говоре также отражается как [i]: *реѣ > *пичь* – «печь», *doneśь > *доніс* – «донёс», *sedь > *сім* – «семь». В результате отвердения шипящих¹¹ такой [i] перешёл в [и]: *šestь > *шисьть* – «шесть», *žенька > *жінка* – «жена». Как и в случае с рефлексами *ѣ, это также отсекает северно-полесские говоры [2: 34–39].

В дальнейшем сужении зоны поисков помогает морфология. Так, украинские говоры отличает большое разнообразие форм gen. sg. f. указательных местоимений. На месте древнерусского *тоѣ* уже в XVI в. отмечают форму *тоєѣ* / *тоєѣ*, построенную по аналогии с формами притяжательных местоимений – *моєѣ*, *тоєѣ* [14: 138]. Впоследствии в части говоров под влиянием формы dat. sg. f. видоизменился первый гласный, ср. укр. лит. *цієѣ* и *мієѣ* (наряду с *моѣ*, прямым продолжением древнерусской формы) по аналогии к *цїѣ* и *мїѣ*. В юдинском говоре формы gen. sg. f. имеют вид *цієѣ* / *оцїѣ* и *мієѣ* / *моѣ*. Сопоставление с собственно украинскими говорами позволяет почти полностью отсечь правобережье Днестра как возможную прародину [2: 232, 235]. Показательно, что Г.Т. Солонская в обследованных ею северно-украинских воронежских говорах записала gen. sg. f. *миѣ* и *моѣ* [19: 291], что опять же отличает их от юдинского говора.

Ещё одной важной изоглоссой является окончание nom. sg. m. прилагательных. В памятниках украинского языка наряду с формами на *-ий*, *-їй* отмечается употребление сокращённых форм на *-и*, *-ї*, которые можно встретить и в памятниках северных регионов [14: 108]; при этом предполагается, что такие формы могли возникнуть под влиянием польского или белорусского языков или могут быть обусловлены внутренним диалектным развитием, т. е. представлять собой результат полной редукции *j* вследствие ослабленного звучания в конечной позиции, причём первичными могли быть формы с неударным окончанием [13: 190]. В современных полесских говорах преимущественно представлена форма с утратой *-ї* (*розумни дїед* [13: 109], см. также [2: 237]), в то время как в остальных *-ї* сохраняется (*добрий*). В южночерниговских говорах фиксируется стянутое окончание, однако в некоторых сёлах отмечается окончание *-ий*: *добрий* [10: 55]. Для Юдина характерно сохранение *-ї*, что заставляет

смещать зону поисков прародины в области говоров, переходных от полесских к среднеднепровским.

В пом. рл. в большинстве окружающих юдинский говоров, распространённых на юг и запад от Юдина (как на территории России, так и на соседней украинской территории), фиксируется флексия *-i*, которая характерна и для литературного украинского языка (*добри*). Окончание *-i*, предположительно, могло возникнуть в результате аналогии с падежными формами указательных местоимений [10: 55]). Окончание *-и* в Воронежской области совпадает с приблизительным ареалом распространения переселенческих говоров северного типа [4: 1–55], оно же зафиксировано нами в юдинском говоре. Лингвогеографические данные свидетельствуют о том, что в полесских говорах на территории Украины (а именно в северо-восточной и южной зонах северного наречия [2: 237], в частности в южночерниговских говорах [10: 55]) распространено также окончание *-и* (*добри, гарни*) [13: 206]. Таким образом, отмеченное в Юдине окончание пом. рл. прилагательных *-и* (*добри*) занимает промежуточное положение между северными нестяжёнными окончаниями *-иї*, *-її*, *-иє* и южным *-і* (*добри*) и опять же указывает на генетическую связь юдинского говора с говорами переходного типа от полесских к среднеднепровским.

Наконец, укажем на две неполесские особенности глагольной системы юдинского говора [2: 258]: варьирование типа *знає ~ зна* (с перевесом в пользу второй формы) в 3. sg. praes. у глаголов III класса по А. Лескину с инфинитивом на *-ать*, а также распределение окончаний *-е* (*хóде*) и *-ить* (*сиді́ть*) в зависимости от ударения в 3. sg. praes. у глаголов IV класса (с инфинитивами на *-ить*, *-іть* и *-ать*).

Формы с *-ає-* > *-а-* в памятниках встречаются лишь спорадически (например, в Креховском Апостоле, XVI в.), однако бытуют во многих юго-восточных украинских говорах [14: 189]. Формы с *-т* и *-ть* (*знаєть*) считаются характерными для харьковско-полтавского наречия [13: 318], тогда как в собственно полтавских говорах сохранились только формы без конечного согласного (*знає – зна*). При этом практически невозможно определить, какая из них является преобладающей, поскольку они используются равноправно даже в речи одного информанта [5: 12]. Что касается письменной фиксации, то употребление форм без [є] свойственно исключительно произведениям восточноукраинских авторов: *зна, дума, полегча* [13: 317–318].

Окончание *-е* в говоре Юдина свойственно глаголам на *-ить*, у которых ударение не приходится на флексию: *хóде*. И.М. Керницкий объясняет формы без *-ть* 3. sg. praes. у глаголов IV класса влиянием глаголов I–III класса (*мúси, дёржи*) [14: 189–190]. Как правило, отсутст-

вие *-ть* сопровождается замещением тематического *-и* на *-е* (*говоре, хóде*) [13: 319]. Согласно [4: 1–59] формы *ходи/е* в обследованных пунктах на территории России преобладают, лишь в некоторых пунктах употребляются формы на *-ить*. На территории Украины в полтавских говорах также имеются зоны с преимущественным использованием либо варианта с окончанием *-е*, либо варианта с окончанием *-ить* [5: 12–13]. В целом, основываясь на данных АУМ, можно заключить, что формы без *-ть* характерны для говоров вдоль границ с Россией, на Слобожанщине и Полтавщине [2: 259], тогда как для большей части говоров северного наречия свойственно окончание с *-ть*.

При помощи приведённого выше набора черт мы отобрали ряд пунктов АУМ, потенциально близких к Юдину в языковом отношении, и сравнили некоторые фонетические, морфологические и словообразовательные черты их говоров с соответствующими юдинскими (см. таблицу на с. 183).

Были взяты следующие пункты атласа: 173 (Мельня), 174 (Жолдаки), 177 (Гвинтовое), 178 (Скуносово), 185 (Череповка) в Сумской области; 297 (Мартусовка), 301 (Вороньков), 331 (Дерновка), 332 (Иванков) в Киевской области; 347 (Хаенки), 348 (Иржавец), 354 (Дедовцы), 358 (Яблуньков), 359 (Линовица), 361 (Крутояровка) в Черниговской области; 921 (Званное), 922 (Снагость) в Курской области.

Прокомментируем некоторые пункты таблицы. Как видно, часть дополнительных черт оказалась не слишком полезна для наших целей, поскольку эти черты представлены во всех или почти всех отобранных говорах: отражение *дѣгъка как *дiрка*; *онук* вместо *внук*¹²; сохранение этимологически правильного *замуж*; ассимиляция *мй* > *мнь*; отсутствие протезы перед *у*-; исчезновение *н*-форм у личных местоимений третьего лица; формы *ця* и *цей* и проксимального указательного местоимения; отпадение гласного в суффиксе инфинитива *-ти*.

Архаизмом является юдинская форма *огурóк* – «огурец». В говорах из таблицы мы находим вторичные варианты *гурóк* и *огiрóк*, где *о*-исчез в результате переосмысления как приставки, а *-i-* объясняется народно-этимологическим влиянием *гiркий* – «горький» [24: 452, 610]. В то же время нельзя сказать, что форма *огурóк* неизвестна украинским говорам. Так, она представлена в говоре 355 в окрестностях Прилук [2: 87].

Числительное *четыре* в юдинском говоре представлено в фонетически закономерной форме *чьоти́ри* (из др.-рус. *f.* и *n.* *четыри*), как и в литературном украинском. Широко распространённую диалектную форму *чотирі* (отмеченную в том числе в прилукских говорах [22: 13]) наряду с некоторыми другими словами Ю.В. Шевелёв пытался объяснить как результат фонетического пересчёта при взаимодействии

юго-западных говоров с полесскими [24: 667–668]. Однако географическое распространение варианта *чотири* (см. [2: 249]) свидетельствует против этой гипотезы. Скорее дело в выравнивании основы (ср. формы литературного языка: gen., loc. *чотирьох*, dat. *чотирьом*). Аналогичное выравнивание отмечено уже в древнерусском gen. четыре наряду с более старым *четырь* [12: 102], а также чеш. gen. *čtyř*.

Сопоставление юдинского говора с говорами ряда пунктов АУМ

Карта	Юдино	173	174	177	178	185	297	301	331	332	347	348	354	358	359	361	921	922
Основные черты																		
57 (віз)	виз	+	+	+	–	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+
58 (тік)	тик	+	+	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
62 (він)	вин	+	+	–	–	+	±	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+
66 (в кінці)	в концї	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	±	±	±	±	±
32 (допік)	допік	±	+	±	±	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+
35 (сім)	сім	±	+	–	–	±	+	+	+	+	+	–	–	+	+	+	+	–
38 (піч)	піч	±	+	±	+	+			+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
44 (попіл)	попіл	+	+	+	–	–	+	+	+	±	±	–	+	+	+	+	+	–
232 (цієї)	цієї	–		±	+	+			–	–	–	–	±		±	±	+	–
235 (тієї)	тієї	–	–	+	+	+	–	+	–	–	–	+	+	+	–	+	+	+
237 (добрий)	добрий	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
243 (добрі)	добри	+	+	±	±	+	±	+	+	+	+	+	±	±	±	±	±	±
258 (знає)	зна / знає	+	+	–	–	+	+	–	+	+	+	+	+	–	±	–	+	+
259 (ходить)	хоче	–	–	–	±	–	–	–	–	–	–	+	±	–	+	+	+	+
Дополнительные черты																		
4 (дірка)	дірка	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
80 (онук)	онук	±	+	+	±	+	±	+	±	+	+	–	±	–	+	+	+	+
86 (заміж)	замуж	+	+	+	±	±	±		±	+	+	+	±	±	±	±	±	±
87 (огірок)	огурок	–	–		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
91 (мясо)	мясо	+	+	±	±	+	+	±	+	+	+	+	±	+	+	±	+	–
105 (скирта)	скірта	±	–	–	–	–	±	+	–	+	–		–	–	–	±	–	–
107 (дзвін)	дзвин	±	+	+	+	–	+	+	+	+	+	–	–	+	–	+	+	+
114 (свадьба)	сваїба	+	+	±	+	+	+	+	±	–	–	–	–	–	–	+	+	±
115 (соняшник)	насонях	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
121 (бджола)	бджола	±	–	±	±	+	±	–	–	+	–	–	+	+	–	+	–	–
136 (вухо)	ухо	+	+	±	+	+	±	+	+	+	+	+	–	±	+	+	+	±
226 (за нього)	за його	±	+	±	+	+	+	+	±	+	±	+	+	±	±	±	+	+
229 (цей)	цей	±	±	±	±	–	–	±	–	±	±	+	±	±	±	±	±	±
230 (ця)	ця	+	±	±	±	±	±	+	+	+	±	+	±	+	±	±	±	–
249 (чотири)	чотири	–	+	–	–	–	±	+	–	+	+	–	–	–	±	–	–	–
250 (сидіти)	сидіть	+	+	±	+	+	±	+	+	–	+	±	+	±	±	±	+	+
254 (ходжу)	ходю	+	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	±	–	+	+
271 (поки)	покі	±	+	±	–	–	+	±	+	+	+	–	+	±	+	+	–	±
272 (ніколи)	ніколи	+	±	±	+	–	+	+	+	+	+	–	+	–	–	–	–	–

Сохранение *ни-* (из др.-рус. *ни-*) в отрицательных местоимениях (*ніко́ли*) также является архаизмом, известным, надо сказать, в довольно узкой полосе украинских говоров [2: 272], в то время как в большинстве представлено либо *ні-* из неопределённых местоимений (др.-рус. *нѣ-*), либо *не-*.

Глагольные формы 1. sg. praes. IV класса с выравниванием основы типа *ходю, носю* доминируют в южных украинских говорах, однако они хорошо известны также правобережным полесским говорам, представлены в Сумской области, а также единично в окрестностях Прилук и Нежина [2: 254]. А.И. Филиппова связывала их возникновение в говорах Прилукины с влиянием юго-восточных украинских говоров [22: 14].

Отдельный интерес представляет юдинское название подсолнечника – *насо́нях*. Вряд ли это русизм: в русских говорах формы *насо́лнечник, насо́лнышник, насо́лнышек* известны только на Урале [18: 335; 20, т. 20: 181]. В украинских говорах формы с префиксом *на-* тоже редки, однако все же известны: *насо́нешник* (Тетеревское и Зарудье на западе Киевской области) [2: 35], *насо́няшник* (Белобережье, Ровненская область; Кизлов, Львовская область), *наслонéчник* (Хоробров (ранее Правда), Львовская область), *насо́йник* (Старая Мощаница, Ровненская область) [3: 27], *насоничíшче* – «поле после уборки подсолнечника» (Козары на юге Черниговской области), *насоясничíшче* (пригороды Тростянца, Сумская область), *насо́няшнишче* (Карпенково, Воронежская область, 27 км по прямой от Юдина) [4: 89]. Таким образом, хотя популярной сельскохозяйственной культурой подсолнечник стал только в XIX в., в юдинский говор это обозначение могло попасть вместе с поздними переселенцами с Украины или же из соседних украинских воронежских говоров¹³.

Как видно из таблицы, наиболее близкими к юдинскому говору оказываются курские говоры (921 и 922), а также прилуцкие (348, 354, 358, 359, 361). При этом курские говоры являются переселенческими, и их история изучена недостаточно хорошо; по всей видимости, эти населённые пункты заселялись приблизительно в то же самое время, что и нынешняя Воронежская область. В связи с этим прародину юдинского говора следует локализовать скорее в окрестностях Прилук, где находятся говоры, переходные между восточнополесским и среднеднепровским диалектами.

Воронежские украинские говоры в целом следует делить не на две группы, как это сделано в работах Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской, а на три: северные (полесские), южные (слобожанские) и центральные (генетически из переходной области в окрестностях Прилук). К последней группе, помимо анализируемого в статье говора Юдина, Костомарова и Большой Хвощеватки, может относиться и ряд других населённых пунктов, в которых словарь М.Т. Авдеевой зафиксировал формы типа *вин*, однако этот вопрос требует дальнейшего полевого обследования.

Примечания

1. Сами носители этих говоров используют по отношению к себе термин *хахлы́* [21].

2. Эта классификация не охватывает островного говора сел Ендовище, Вознесенка (у Ю.В. Шевелева под старым названием – Шумейки) и Латное, расположенных на севере области (Семилюкский район). По мнению Ю.В. Шевелева, они были заселены выходцами из западной части центрального Полесья в XVII в. [24: 731].

3. Авторы благодарят В.В. Матвеева за кропотливую картографическую работу.

4. Краткое описание фонетики и морфологии юдинского говора см. в [8], краткое описание колодежанского говора – в [7].

5. Это получило отражение в насыщенной звуком [и] дразнилке, адресуемой жителями Сагунов жителям Юдина и Костомарова, в речи которых [и] на месте *о в новом закрытом слоге после твёрдых согласных встречается гораздо чаще, чем в речи самих сагуновцев (а также носителей всех подобных говоров, проживающих южнее), в говоре которых в этой позиции выступает [і] после мягкого согласного: *Схвати́в кі́шку за хві́ст і кі́нув в каді́шку*. (Надо заметить, однако, что на самом деле в юдинском говоре маловероятно произношение *кі́шка* и *кі́нув* с [и], поскольку заднеязычные согласные обычно смягчаются перед [е] и [и], а сам [и] переходит в [і]. И в слове *каді́шка*, разумеется, ударному [и] взяться попросту неоткуда.)

6. Хутор в Лискинском районе; в настоящее время заброшен.

7. В отличие от предыдущей работы о юдинском говоре, где использовалась упрощённая транскрипция, основанная на русском алфавите, в данной статье для унификации с украиноязычными диалектологическими работами, в первую очередь АУМ, будет применяться графика, приближённая к украинской литературной, расширенная, однако, символами *l* для апиального альвеолярного латерального аппроксиманта и *ʏ* для неслогового [y].

8. В основу украинского литературного языка легли говоры с рефлексацией по южному типу: **ō* > *o* > *u* > *ü* > *i*. Юдинский говор демонстрирует один из вариантов рефлексации северного типа: **ō* > *o* > *uo* > *u* > *y*. В разделении этих явлений мы присоединяемся к позиции ряда учёных, наиболее полно и аргументированно изложенной Ю.В. Шевелёвым [24: 729–734]. Альтернативная позиция предполагает дифтонгическую стадию для всех украинских диалектов [15: 39–41].

9. В этих же прилуцких говорах [і] выступает после заднеязычных согласных и на месте *и [22: 10, 11], что также наблюдается в юдинском говоре.

10. Согласно записям Ф.Т. Жилко, эти черты в говоре Рудковки стали исчезать в XX в. под влиянием соседних южных говоров [10: 49–55]. Такой сценарий вряд ли можно предположить для переселенческого юдинского говора.

11. Надо заметить, что в юдинском говоре имеются и мягкие шипящие; они отмечены в следующих позициях: перед суффиксом сравнительной степени прилагательных (*свіжіший* – «более свежий»), перед окончанием *-i dat.-loc. sg. *-ā-* основ и *loc. sg. *-o-* основ (*у сáжі* – «в саже», *у Ворóнижі* – «в Воронеже»), перед окончанием *-ать* в 3. рл. глаголов на **-iti / *-ěti* (*лижять* «(они) лежат»), а также перед суффиксом *-i-* во 2. рл. императива (*лижіть* – «лежите», *пишіть* – «пишите»).

12. Форма *онук* вторична по отношению к *внук* ~ *унук* (< п.-сл. **въпикъ*), она возникла в силу гиперкорректной замены *у* на *о* в связи с уканьем либо в силу смешения префиксов (или анлаутов, воспринимаемых как префиксы) **ob-*, **u-*, **въ-*, как, например, укр. лит. *о́кріп* – «укроп» [24: 534].

13. Среди прочих культурных терминов нерусского происхождения в юдинском говоре отметим слова *ля́да* – «часть ткацкого станка» и *ші́пка* – «оконное стекло». Укр. лит. *ляда* и *шибка*, имеющие те же значения, заимствованы из пол. *lada* – «прилавок; лоток» и *szyba* – «оконное стекло». Польские слова в свою очередь являются германизмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж: ВГУ, 2008.

2. Атлас української мови. Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі / ред. І.Г. Матвіяс. Київ: Наукова думка, 1984. 440 с.

3. Атлас української мови. Т. 2: Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття та сумжні землі / ред. Я.В. Закревська, А.М. Залеский, Н.Й. Марчук, І.Г. Матвіяс, Т.В. Назарова, Н.П. Прилипка. Київ: Наукова думка, 1988. 520 с.

4. Атлас української мови. Т. 3: Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянщина, Причорномор'я суміжні землі / ред. А.М. Залевський, І.Г. Матвіяс. Київ: Наукова думка, 2001. 640 с.

5. Ващенко В.С. Дієслівні форми в сучасних полтавських говорах // Діалектологічний бюлетень. Вип. V. Київ, 1955. С. 9–14.

6. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Издание Императорского русского географического общества. Петроград, 1914.

7. Дьяченко С.В. Об одном украинском говоре Воронежской области // Славянский мир: общность и многообразие / ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. М.: Исл РАН, 2024. С. 222–229.

8. Дьяченко С.В., Пилипенко Г.П., Саенко М.Н. Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком // Русская речь. 2024. № 6. С. 7–18.

9. Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ: Радянська школа, 1955. 315 с.

10. Жилко Ф.Т. Південночернігівські говірки перехідні до полтавських (Бобровицький і Новобасанський райони Чернігівської області) // Діалектологічний бюлетень. Вип. V. Київ, 1955. С. 46–58.

11. Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ: Радянська школа, 1966. 307 с.

12. Жолобов О.Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: Числительные. М.: Азбуковник, 2006. 358 с.

13. Історія української мови. Морфологія / від. ред. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1978. 540 с.

14. Керницький І.М. Система словозміни в українській мові. На матеріалах пам'яток XVI ст. Київ: Наукова думка, 1967. 288 с.

15. Назарова Т.В. К проблеме украинского икавизма // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 39–52.

16. Прохоров В.А. Вся воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973. 367 с.

17. Сагаровський А. Діаспорний острівець лівобережнополіського діалекту на Воронежчині // Волинь-Житомирщина. 2010. № 22 (2). С. 244–250.

18. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. Дополнения / ред. П.А. Вовчок. Свердловск-Екатеринбург. 1964–1988.

19. Солонська Г.Т. Українські говірки Воронежчини: дис. ... канд. філолог. наук. Харків, 1967. 393 с.

20. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов, С.А. Мызников. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965 – наст. время.

21. Сьянова Е.И. К вопросу этнической и языковой идентичности носителей украинско-русских говоров, функционирующих на территории современной Воронежской области // Русский язык в поликультурном мире: X международ. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. Т. 2 / ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2016. С. 520–527.

22. Филиппова А.И. Говоры Прилукины, Черниговской области (фонетические и грамматические особенности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1959. 19 с.

23. Чубинский П.П., Михальчук К.П. Карта южнорусских наречий и говоров. Юго-западное отделение Русского императорского географического общества. 1871.

24. Shevelov G.Y. Historical phonology of the Slavic languages. IV. Ukrainian. Heiderlberg: Carl Winter, Universitätsverlag 1979. 819 p.

REFERENCES

1. Avdeeva, M.T. (2008) *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti* [The Dictionary of Ukrainian Dialects of Voronezhskaya Oblast']. Voronezh: VSU.
2. Matviyas, I.H. (ed.) (1984) *Atlas ukrayins'koyi movy* [The Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
3. Zakrevska, Ya.V., Zalesky, A.M., Marchuk, N.Yy. Matviyas, I.H., Nazarova, T.V. & Prylypko, N.P. (eds) (1988) *Atlas ukrayins'koyi movy* [The Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
4. Zalesky, A.M. & Matviyas, I.H. (eds) (2001) *Atlas ukrayins'koyi movy* [The Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
5. Vashchenko, V.S. (1955) Dieslivni formy v suchasnykh poltavsk'ykh govorkakh [The verb forms in modern Poltava dialects]. *Dialektologichnyi byuleten'*. 5. pp. 9–14.
6. Durnovo, N.N., Sokolov, N.N. & Ushakov, D.N. (1914) *Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope* [Dialectological Map of the Russian Language in Europe]. Petrograd: Imperial Russian Geographical Society.
7. Dyachenko, S.V. (2024) Ob odnom ukrainskom govore Voronezhskoy oblasti [About one Ukrainian dialect of Voronezhskaya oblast']. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [The Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: RAS. pp. 222–229.
8. Dyachenko, S.V., Pilipenko, G.P. & Saenko, M.N. (2024) Iz ekspeditsionnykh zapisey v s. Yudino Voronezhskoy oblasti: vzaimodeystvie mestnogo ukrainskogo govora s russkim yazykom [From expedition records in the village of Yudino, Voronezh region: The interaction of the local Ukrainian vernacular with the Russian language]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 7–18.
9. Zhylko, F.T. (1955) *Narisy z dialektologii ukrains'koï movy* [Essays on the Dialectology of the Ukrainian Language] Kyiv: Radians'ka shkola.
10. Zhylko, F.T. (1955) Pivdennochernigivs'ki govorki perekhidni do poltavsk'ykh (Bobrovits'kiy i Novobasans'kiy rayony Chernigivs'koï oblasti). *Dialektologichnyi byuleten'*. 5. pp. 46–58.
11. Zhylko, F.T. (1966) *Narisy z dialektologii ukrains'koï movy* [Essays on the Dialectology of the Ukrainian Language]. Kyiv: Radians'ka shkola.
12. Zholobov, O.F. (2006) *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical Grammar of the Old Russian Language]. Vol. IV. Moscow: Azbukovnik.
13. Nimchuk, V.V. (ed.) (1978) *Istoriya ukrains'koï movy. Morfologiya* [History of the Ukrainian Language. Morphology]. Kyiv: Naukova dumka.
14. Kernits'kiy, I.M. (1967) *Sistema slovozmyni v ukrains'kiy movi. Na materialakh pam'yatok XVI st.* [The System of Inflection of the Ukrainian Language. Based on Data from the 16th Century] Kyiv: Naukova dumka.
15. Nazarova, T.V. (1971) K probleme ukrainskogo ikavizma [On the problem of Ukrainian Ikavism]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 39–52.

16. Prokhorov, V.A. (1973) *Vsya voronezhskaya zemlya. Kratkiy istoriko-toponimicheskii slovar'* [The Whole Voronezh Region. A Brief Historical and Toponymic Dictionary]. Voronezh: Tsentral'noe-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo.

17. Saharovs'kyi, A. (2010) Diasporniy ostrivets' livoberezhnopolis'kogo dialektu na Voronezhchyni [A diaspora vernacular of the Polesye dialect in the Voronezh region]. *Volyn'-Zhytomyrshchyna*. 22(2). pp. 244–250.

18. Vovchok, P.A. (ed.) (1964–1988) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala v 7 tomakh. Dopolneniya* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals in 7 vols]. Sverdlovsk-Ekaterinburg: Ural University.

19. Solonska, G.T. (1967) *Ukrain's'ki govorki Voronezhchyny* [Ukrainian dialects of the Voronezh region]. Philology Cand. Diss. Kharkiv.

20. Filin, F.P., Sorokoleto, F.P., Myznikov, S.A. (eds) (1965 – present) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

21. Syanova, E.I. (2016) K Voprosu etnicheskoy i yazykovoy identichnosti nostiteley ukrainsko-russkikh govorov, funktsioniruyushchikh na territorii sovremennoy Voronezhskoy oblasti [On ethnic and linguistic identity of the speakers of Ukrainian-Russian dialects in the Voronezh region]. In: Titarenko, E.Ya. (ed.) *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian Language in a Multicultural World]. Vol. 2. Simferopol: Arial. pp. 520–527.

22. Filippova, A.I. (1959) *Govory Prilukshchiny, Chernigovskoy oblasti (foneticheskiye i grammaticheskiye osobennosti)* [The dialects of Priluki, Chernigov region. Phonetic and grammar peculiarities]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

23. Chubinskiy, P.P. & Mikhalchuk, K.P. (1871) *Karta yuzhnorusskikh narechiy i govorov* [A Map of South Russian dialects]. [s.l.]: South-Western Branch of the Russian Imperial Geographical Society.

24. Shevelov, G.Y. (1979). *Historical Phonology of the Slavic Languages*. IV. *Ukrainian*. Heiderlberg: Carl Winter, Universittverlag.

Светлана Владимировна Дьяченко – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия).

Svetlana V. Dyachenko – Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: svet-lan-a@list.ru

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Gleb P. Pilipenko – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Саенко Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Mikhail N. Saenko – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: michail.sajenko@yandex.ru